

ПИСЬМО ПОЗВАЛО В ДОРОГУ

«Мы долго думали, как оставить наше письмо. Кто предлагал «Спасите наши души», кто — «Спасите искусство», кто — «Кожи доверена судьба театра»... В данный момент тринадцать человек на грани ухода из театра. Мы надеемся, что это письмо не останется безрезультатным».

(Из коллективного письма актеров ташкентского молодежного театра «Еш гвардия» в редакцию газеты «Комсомольская правда»).

МЫ ОПОЗДАЛИ: авторы письма в редакцию получили все, чего жаждали. Индивидуальный порок был наказан, коллективная добродетель восторжествовала. Вернее, она торжествовала.

Наши блокноты распухали от записей. Но, кавалось, чем мы ближе подходили к истине, тем больше от нее удалялись.

Поначалу все было ясно. Большая группа актеров ташкентского молодежного театра «Еш гвардия» прислала в редакцию жалобу на своего главного режиссера Эргаша Масфаева. Спустя три недели та же группа актеров созвала профсоюзное собрание, на котором большинством голосов было принято решение: «Просить Министерство культуры республики освободить главного режиссера от занимаемой должности».

Через два дня просьба была удовлетворена...

ВОСЕМЬ ЛЕТ назад в Узбекистане был создан первый молодежный театр. Название придумалось сразу: «Еш гвардия» — «Молодая гвардия». И хотя «Еш гвардию» трудно было поначалу назвать театром — один режиссер, он же главный, и четыре актера, — он быстро, очень быстро стал обрывать людьми. И людьми порою случайными. Аромат студиозности, который благотворно вдыхают многие молодежные коллективы, в ташкентском театре не ощущался вовсе. Но Эргашу Масфаеву уже виделась

очередь у класс, виделось, как его будут окружать талантливые актеры, понимающие его с полуслова. И со временем не в мечтах — наяву пришла радость аншлагов, и радость взаимопонимания, и радость работы по двенадцать часов, и радость первых творческих побед. Все это было. И все ушло.

...Увы, нам не пришлось защищать актеров от деспотизма режиссера. Слово «освободить» в приказе по Министерству культуры Узбекской ССР

добывалось нелегально... И забывал, мгновенно забывал, какие слова слетали с его губ. Он-то забывал, но те, кому надо было, помнили. Помнили и копии факты.

А факты мало скрывать смешным, они — нелепы. «Понимаешь», — объяснял он актрисе, — ты играешь здесь проститутку. Ты должна представить себе ее жизнь, ее работу, чтобы зрители поверили, что ты проститутка». Наверное, Масфаев вел бы себя менее опрометчиво, если

знал или же желашние понять, что искусство — это еще и дисциплина? Теперь они клянутся в любви к театру, эти люди, подавшие в один день стандартные заявления об уходе. В разгар сезона, незадолго до гастролей, сознательно ставившие свой театр под жестокий удар. Они шли ва-банк, уверенные, что всех не уловят, а неудобного, ревного, неуправляемого Масфаева того гляди наконец уберут.

«Убирали» Масфаева слаженно, организованно. Наме-

ту режиссера. «Я не хочу во всем оправдывать Масфаева. Мне самой с ним было трудно, я не раз плакала, собиралась уходить из театра... Многие в нашем коллективе думают: раз мне с этим режиссером трудно работать, значит, он плохой режиссер. Масфаев сделал из меня актрису, и как много он мог бы дать нашим актерам, если бы они захотели этого».

Не захотели... Мужество, честность, неподдаемость Малики не были поддержаны. С большой страстью, с большой самоотдачей противники Масфаева не играли, наверное, ни в одном спектакле, как на этом, по мнению первого заместителя министра культуры республики Р. Н. Назаровой, варанее отрежиссированном собрании.

Чтобы быть беспристрастными, мы попросили руководителей Министерства культуры, Узбекского театрального общества охарактеризовать Масфаева; разговаривали с народным артистом СССР Шукром Бурхановым, лауреатом премии Ленинского комсомола республики постом Абдуллоем Ариповым. Мнения единодушны: Масфаев — безусловно, талантливый, ищущий, интересно мыслящий, перспективный молодой режиссер.

Сейчас он работает в Ташкентском ТЮЗе. Как бы тяжело ему, он наверняка испытывает радость, узнав, что несколько человек из созданного им театра считают его своим воспитателем и готовы работать с ним. «Только бы он нас позвал!» — говорят они.

Что ж, за Масфаева можно быть спокойным — у него есть последователи, есть люди, преданные ему, готовые разделить с ним тяготы и радости. Но что же будет с молодежным театром? Одержав сомнительную победу отнюдь не на театральных подмостках, не потерпит ли он поражения в самом главном, ради чего строился и присваивал себе прекрасное имя — молодежная гвардия?

**В. НИЯЗМАТОВ,
В. ТУРОВСКИЙ.**
(Наши спец. корр.).

Ташкент.

Мизансцены за кулисами

должно было автоматически освободить и нас от занятии хлопотным и неблагодарным делом — разбором театральной склоки. Но после долгих бесед с жалобщиками, после встреч с Э. Масфаевым стало ясно, что дело здесь отнюдь не в вакуумной силе.

КОНФЛИКТ назревал постепенно. Масфаев требовал иногда невозможного, и порой актеры его невозможное делали: отказывались от работы на стороне, сами мастерили декорации, писали афиши, распространяли билеты. Но подвизничества хватило ненадолго. У актера есть семья, у него есть желание сняться в фильме, сыграть в телеспектакле, записаться на радио. А Масфаев жил одним театром и не умел понять, как же это его актеры могут «размениваться на пустяки». И здесь из фанатичной любви к театру, преданности своему делу прорастала ветеринария. «Или театр, или семья!» — требовал он у коллег.

Одержимость его не знала удержу. Ударяясь о стену непонимания, он пытался объяснить какие-то чрезвычайно сложные вещи наглядными примерами «из жизни», призывал, в помощь странного свойства ассоциации, наконец,

бы знал, что через несколько месяцев эти его слова превратятся в «неопровержимый» факт: «Он назвал меня проституткой!»

Слово в слово, как хорошо утвержденную роль, повторяют оппоненты Масфаева один и те же нелепые обвинения. Свидетели обвинения зарнаков не приемлют.

Нет вариантов и в заявлениях, поданных на имя директора театра сразу же после отправки письма в редакцию: «Прошу уволить меня с работы, в коллективе нет творческой атмосферы».

ВОТ АДЕСЬ НАМ придется оглянуться на недавнее прошлое, возможно, тогда мы поймем, почему в творческом коллективе нет творческой атмосферы. В личных делах актеров театра мы обнаружили более семидесяти рапортов, докладных и объяснительных записок, протоколов заседаний местного. Суть документов поистине удручающая: опоздания актеров на репетиции и спектакли, появление в театре в нетрезвом состоянии, неявка на работу без уважительных причин. Так что же все-таки создавал нетворческую атмосферу в театре — главный режиссер, требовавший железной дисциплины, или его товарищи, не способ-

ный повесткой дня разбор заявлений сотрудников театра по поводу в воздухе. Слышалось «персональное дело» главного режиссера. В его отсутствие. Пришедший почти к середине собрания, он, как и опоздавшие работники Узбекского театрального общества, долго не мог понять, что, собственно, происходит. И, действительно, как было понять, почему на профсоюзном собрании театра присутствует доцент Ташкентского театрально-художественного института И. В. Радун?.. Еще один свидетель обвинения, специально приглашенный на судилище, он не только выступил с гневной речью, пафос которой заключался в том, что ему стыдно за своего ученика, но и добился того, что Масфаева лишили слова. Слова защиты.

Конечно же, финал собрания можно было предугадать еще в прологе. Инсценировку коллективного ухода вздохнули, как ни парадоксально, руководители общественных организаций театра — Ю. Хакимов, С. Зиямухамедов, Т. Норматов, то есть люди, привыкшие спланировать коллектив. И только секретарь комсомольской организации Малика Ибрагимова осмелилась возвысить голос в защи-